

ПОЖАРЪ МОСКВЫ¹⁾.

Пожаръ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!..
Лишь тотъ великій огонь съ тобой сравнится,
Которымъ міръ испепелится,
Который царства все пожретъ.

Вайронъ.

Когда уже столица начала пустѣть, улицы ея были наполнены только отъѣзжавшими изъ нея, или обозами съ военными снарядами и ранеными: тогда изъ Виѳаніи прибылъ митрополитъ Платонъ въ послѣдній разъ взглянуть на любезную ему Москву. Говорятъ, что онъ хотѣлъ было ѣхать на Бородинское поле, или на Поклонную гору, и благословеніемъ своимъ одушевить воинство къ битвѣ за Москву. Приѣхавъ въ Чудовъ монастырь, 28-го Августа, онъ сѣлъ въ креслахъ на входномъ крыльцѣ и долго со слезами смотрѣлъ на Кремль, какъ будто прощаясь съ нимъ и какъ будто предчувствуя свою вѣчную съ нимъ разлуку и его жребій²⁾.

Преосвященный Августинъ, навсегда простившись съ благодѣтелемъ своимъ³⁾ на Троицкомъ подворьѣ и проводивъ его до самой кареты, занимался по духовной части распоряженіями, какія тогда можно было сдѣлать. Между прочимъ, для предупрежденія тревоги и смятенія, онъ

---

¹⁾ Это записъ И. М. Снѣгирева. Онъ ее напечаталъ въ своей (нынѣ рѣдкой) книгѣ: „Очерки жизни Московскаго архіепископа Августина“. М. 1848, стр. 30 и слѣд. Подробности записаны вѣроятно со словъ самого Августина. П. Б.

²⁾ Митрополиту Платону шелъ 76-й годъ отъ роду. Онъ одаренъ былъ художественнымъ чувствомъ и любилъ всяческую картинность. П. Б.

³⁾ Т. е. съ митрополитомъ Платономъ, при которомъ онъ былъ викаріемъ. П. Б.

велѣлъ заперать колокольни при церквахъ, убирать ризницы, не касаясь внѣшнихъ украшеній въ церквахъ, самъ выдавалъ виды для выѣзда изъ Москвы священно и церковно-служителямъ, которые тогда безпрестанно обращались къ нему съ просьбами и вопросами. Непрiятель уже подъ самою Москвою, но мысль объ отдачѣ ему древней столицы далека была отъ жителей Московскихъ; они молились, надѣялись на силу и храбрость воинства, вѣрили двухсмысленнымъ обнаживанiямъ Растопчина и сами готовились отстаивать грудью престолъ Царя, святыню храмовъ, могилы предковъ, колыбели дѣтей, честь женъ; ожидали сраженiя подъ стѣнами столицы и даже на улицахъ, съ тѣмъ убѣжденiемъ, что и пастырь ихъ не отречется душу свою положить за овцы своя. Вспомнили тѣ времена, когда святители выступали съ св. иконами и крестами на стѣны осажденныхъ городовъ, на поле битвы, и силою молитвы низлагали враговъ отечества. Главными дѣйствующими лицами въ Москвѣ были архіерей, еще только викарiй митрополи, зависѣвшiй отъ Св. Синода, и главнокомандующiй, которому приказана была Царемъ Москва. Народъ ждалъ и смотрѣлъ, что они стануть дѣлать, слушалъ проповѣди одного, читалъ воззванiя другаго.

Наконецъ Растопчинъ, по совѣщанiи съ пресвященнымъ Московскимъ, рѣшился идти на Три-Горы съ крестнымъ ходомъ для приготовленiя и благословленiя народа и воинства къ рѣшительной битвѣ, которую предполагали дать непрiятелю, не вѣдая еще тайнаго плана Кутузова и настоящаго положенiя Русской арміи. „Москва и армія“, тогда доносилъ Растопчинъ Государю, „соединятся для спасенiя Россiи“ *). Между тѣмъ въ деревнѣ Филяхъ, предъ самою столицей, въ военномъ совѣтѣ, Кутузовымъ рѣшено уступить Москву Наполеону безъ боя. Это было вечеромъ въ Воскресенье, 1 Сентября, наканунѣ вступленiя непрiятелей въ Москву, чрезъ которую уже начали отступать наши войска въ тотъ же день на Коломенскую и Калужскую дороги, когда церковь, празднуя новолѣтiе, молила о „лѣтѣ Господнемъ прiятномъ“ и когда Москвѣ предстояла година тяжкаго испытанiя. Августинъ, совершивъ въ Успенскомъ соборѣ литургiю, со слезами молилъ Господа о низложенiи врага, о спасенiи Москвы и Россiи. Соборъ полонъ былъ народа и рыданiй; казалось, что всѣ остальные жители Москвы собрались олакивать предстоящiя, но еще непредвидѣнныя ими бѣдствiя. По окончанiи литургiи, преосвященный, складывая по

---

*) Карамзинъ, отправивъ семейство свое и бумаги въ Нижній, оставался у графа Растопчина и готовился принять участiе въ подмосковномъ бою, для чего была у него и лошадь. П. Б.

чинуположенію антиминосъ, промовилъ: „Скоро-ли Богъ удостоить насъ служить въ семь храмѣ?“

Изнуренный отъ трудовъ и сердечнаго волненія, онъ едва могъ изъ собора проѣхать среди разныхъ обозовъ на Савинское подворье и тамъ ожидалъ извѣстія отъ Растопчина, когда должно будетъ идти ему съ крестнымъ ходомъ на Поклонную гору, чтобы благословить Московскую дружину на рѣшительную битву за Москву. Озабоченный участію своей паствы, преосвященный безпрестанно посылаетъ къ нему навѣдываться; отвѣчаютъ ему не прямо, двусмысленно. Официальныя и народныя извѣстія, слухи и дѣйствія противорѣчили одни другимъ; потому что дальновидный Кутузовъ долго скрывалъ отъ Растопчина приговоръ военнаго совѣта, рѣшившій судьбу столицы. Между тѣмъ близъ Поклонной горы дѣлались укрѣпленія, войска наши стояли у Дорогомиловской заставы, а Московскіе жители—одни торопились выѣзжать и выходить съ семействами изъ столицы, другіе тѣснились въ Кремль у Арсенала, запасаясь оружіемъ, чтобы, по воззванію Растопчина, идти съ архіереемъ на битву противъ врага. Никто почти не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи подъ Москвою и даже въ самой Москвѣ; но едва-ли кто воображалъ, что она будетъ предана врагу и огню, какъ искупительная жертва за отечество. Растопчинъ тогда увѣрялъ, что „жизнію своею отвѣчаетъ, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ“. Многіе готовились къ смерти напутствованіемъ себя Св. Тайнами. У воротъ Савинскаго подворья толпился народъ; одни кричали: „непріятель вступаетъ въ Москву“, а другіе: „Англичане идутъ къ нашимъ на помощь“; спрашивали объ архіереѣ, скоро ли пойдетъ онъ съ ними на Три Горы? Преосвященный оставался только съ нѣкоторыми духовными особами и секретаремъ своимъ; онъ приказываетъ запереть ворота подворья и на всякій случай готовить лошадей. Въ такомъ томительномъ ожиданіи и нерѣшимости настаетъ вечеръ. Непріятельскіе отряды уже появляются въ окрестностяхъ заставъ Московскихъ; слышны и выстрѣлы, и музыка; а народъ собравшійся на Трехъ Горахъ, ждетъ главнокомандующаго и архіерея съ крестнымъ ходомъ, порывается постоять за матушку свою Москву, какъ будто горсть различно вооруженныхъ гражданъ могла одолѣть полчища Наполеона!

Наступила темная осенняя ночь; въ 11 часовъ пріѣзжаетъ къ Августину чиновникъ отъ гражданскаго губернатора Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что „непріятель у самой Москвы и что губернаторъ передъ выѣздомъ своимъ проситъ себѣ благословенія у преосвященнаго“. Это смутило пастыря и въ тоже время увѣрило, что ему уже нечего болѣе

ожидать. Велить готовить себя экипажи; но нельзя было ему ни выѣхать, ни оставаться безъ рѣшенія отъ главнокомандующаго. Наконецъ, въ слѣдъ за тѣмъ получаетъ онъ письмо отъ графа Растопчина, что „Москва сдается Наполеону и что Московскому преосвященному назначенъ для выѣзда безопасный путь на Владимиръ съ тремя св. иконами, Владимирскою, Иверскою и Смоленскою“. Была уже полночь. Тотчасъ посылаетъ онъ Перервинскаго настоятеля Лаврентія взять изъ часовни у Воскресенскихъ воротъ образъ Иверской Богоматери, а секретарю своему Малиновскому поручаетъ привезти къ себѣ образъ Владимирской Богоматери изъ Успенскаго собора; икона же Смоленской Богоматери уже вывезена была изъ Москвы преосвященнымъ Принеемъ. Когда съ предосторожностію, въ то время необходимою, доставлены были св. иконы на подворье и помѣщены въ экипажъ: тогда Августинъ, помолвившись въ домово́й церкви, благословилъ всѣхъ и, надѣливъ деньгами оставшихся тамъ людей, эконома Іону и священника Іоанна, отправляется изъ Москвы въ два часа по полуночи, на 2 Сентября. Ему сопутствовали нѣкоторыя духовныя особы и секретарь.

Вокругъ столицы пылали уже села и деревни, зарево страшно разливалось по небосклону во мракъ ночномъ и освѣщало ея улицы; по Смоленской дорогѣ издали видны были огни въ таборахъ, изрѣдка раздавались выстрѣлы пушечные и ружейные; тащились раненые въ Москву, а изъ Москвы по Владимирской дорогѣ тянулись обозы жителей Московскихъ, пушки изъ Арсевала: крестьяне и ратники сопровождали отряды плѣнныхъ Французовъ, толпились пѣшіе вмѣстѣ съ конными; по ней ѣхалъ и нашъ архипастырь и долженъ былъ иногда слышать несправедливые укоры и даже угрозы отъ встрѣчавшихся по дорогѣ крестьянъ за то, что покидаетъ паству свою и бѣжитъ какъ наемникъ; тогда и всѣхъ выходцевъ упрекали, что „они продали ее“. Но это былъ патріотическій ропотъ Русскихъ, нечаявшихъ, чтобъ пожертвованіемъ Москвы можно было спасти Россію, и представлявшихъ себѣ въ стѣнахъ древней столицы все отечество свое. Въ 25 верстахъ отъ столицы преосвященный встрѣтился и переговорилъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, который съ ополченіемъ шелъ было къ Москвѣ, не зная еще, что она сдана неприятелямъ. На пути своемъ, часто обращая назадъ взоры свои, Августинъ и за сто верстъ отъ Москвы видѣлъ надъ нею ночью ужасное зарево.

Оставимъ викарія Московскаго на пути его къ древней Митрополіи Россіи и столицы, посмотримъ, что́ станется съ Москвою, которая была позорищемъ сценъ совсѣмъ иного рода.

Наступил роковой для Москвы Понедѣльникъ, втораго Сентября, когда еще наши войска продолжали отступать черезъ нее, жители выѣзжать и выходить, покидая свои дома и большую часть имущества. Древняя столица представляла картину какого-то переселенія, или какъ тогда солдаты говорили: „Москва въ походъ пошла“; но куда, за чѣмъ надолго-ли, никто не вѣдалъ, такъ какъ и того, что будетъ съ Москвою и что станеть съ ними?¹⁾ Въ рѣдкихъ церквахъ слышенъ былъ благовѣстъ къ обѣднѣ; опустѣли площади и улицы. Вдругъ среди самаго благовѣста къ вечернѣ на Ивановской колокольнѣ появились непріятельскія войска въ Троицкихъ и Никольскихъ воротахъ Кремля, гдѣ ихъ встрѣтила ружейными выстрѣлами толпа Русскихъ, обречшихъ себя на смерть за свою родную Москву²⁾.

Съ самаго вступленія въ Москву Наполеоновыхъ войскъ, ночью загорѣлись въ Китаѣ Гостинный дворъ и ряды, а на другой день, 3 Сентября, едва вошелъ Наполеонъ въ Кремль, какъ въ 7 часу пополудни, запылали москательныя лавки, масляные ряды и Зарядье въ Китаѣ, потомъ Балчугъ³⁾, Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ, зажженный хозяевами лавокъ; напоследокъ, ночью, пожаръ распространился по всему городу, пламя лилось быстрымъ потокомъ изъ улицы въ улицу, изъ одной части въ другую, носилось клубами и языками надъ городомъ и рѣкою, искры и головни сыпались дождемъ; между тѣмъ бушевалъ и крутилъ ужасный вихорь. Казалось, Москва превратилась въ огнедышащую гору и пламенную лаву. Оставшіеся тогда жители думали, что свѣту преставленія настало. Безмолвіе въ городѣ прерывалось то трескомъ обрушавшихся зданій, то изрѣдка слышнымъ набатомъ на колокольняхъ, то выстрѣлами непріятелей, то воплемъ Москвичей, которые укрывались въ домахъ еще негорѣвшихъ, и какъ скоро огонь обхватывалъ ихъ убѣжища, они бросались изъ одного мѣста въ другое, задыхаясь отъ дыма, преслѣдуемые пламенемъ и врагами, которые ихъ грабили и поражали. Но можно ли вполнѣ изобразить весь ужасъ, все бѣдствіе, которое тогда испытала Москва?

¹⁾ Еще не совсѣмъ разсвѣло, когда Кутузовъ пробирался отъ Дорогомиловской заставы съ провожатыми, которыхъ далъ Растопчинъ. Они встрѣтились у Яузскаго моста, по которому шли наши войска. Вотъ предметъ для художника. П. Б.

²⁾ Первыми направлены были въ Кремль Польскіе отряды велпкой арміи. Они безъ разбору избивали столпившихся тамъ у Арсенала Москвичей. П. Б.

³⁾ Балчугомъ не въ одной Москвѣ называлось топкое мѣсто. Московскимъ балчугомъ доселѣ называется пространство между двумя мостами Москворѣцкимъ и тѣмъ, что надъ канавою. П. Б.

Такъ трое сутокъ горѣла она и еще не вся сгорѣла: въ ночь съ 5 на 6 Сентября запылало все Замоскварѣчье, и пламя его слилось въ одну ярко-багряную массу. Обширнѣйшій и величественнѣйшій городъ тогда представлялъ груды каменьева, пепла и курившихся головень; цѣлыя улицы домовъ превратились въ смрадныя пожарища, гдѣ опаленныя трупы человѣческія лежали вмѣстѣ съ конскою падалью. Нѣсколько церквей сдѣлалось добычею пламени, а уцѣлѣвшія были жертвою грабительства и поруганія. Въ оставленныхъ священнослужителями и запертыхъ церквахъ грабители-непріатели выламывали двери и вторгались въ нихъ обдирать со св. иконъ золото и серебро, спарывать позументы съ облаченій, искать скрытыхъ драгоценныхъ утварей. Гдѣ они встрѣчали при церквахъ священниковъ съ причетомъ, били и мучили ихъ, чтобы выпытать, гдѣ у нихъ спрятаны церковныя сокровища, и нѣкоторые изъ нихъ животъ свой положили за святыни храма. Нерѣдко священниковъ, діаконовъ и причетниковъ брали подъ ношу, какъ вьючныхъ скотовъ. Кажется, что храмы Божіи въ Москвѣ болѣе испытывали поруганія отъ питомцевъ Революціи, ревнителѣй Реформаціи и Католицизма, нежели человѣческія жилища; многіе, уцѣлѣвшіе отъ пожара, обращены въ казармы, амбары, конюшни и бойни, гдѣ повторялись тѣже буйства и мерзости, какія видѣла Москва назадъ тому два вѣка при Полякахъ. Враги Россіи были закоренѣлыми врагами и отечественной нашей Церкви, которая столько вѣковъ ратовала противъ замысловъ Папизма и Уніи, противъ покушеній Лютеранства и Западнаго нечестія. И предъ глазами Наполеона въ Кремлѣ поругана была святыня, и онъ издѣвался надъ старымъ священникомъ Михаиломъ Пылаемъ, приказавъ насильно облачить его въ архіерейскую одежду среди Успенскаго собора, чтобы видѣть изображеніе Россійскаго іерарха. Но, не взирая на всѣ ужасы пожара и неистовство враговъ, не взирая на грозившую отечеству опасность, нѣкоторые изъ оставшихся въ Москвѣ іереевъ совершали въ церквахъ божественную службу безъ звона; напутствуя Св. Тайнами жителей, ежечасно ожидавшихъ себѣ смерти.

Какъ Троицкое, такъ и Савинское подворье, преданы были грабежу и пожару, отъ коего уцѣлѣла на воротахъ икона Преподобнаго Саввы. На послѣднемъ экономъ и священникъ испытали жестокаго истязанія и побои отъ враговъ. Въ архіерейскихъ покояхъ, тогда не сгорѣвшихъ, поселились комендантъ и три маіора.

Между тѣмъ непріатели въ Москвѣ спрашиваютъ: гдѣ архіерей Московскій? Гдѣ митрополитъ Платонъ? Тогда Платонъ жилъ въ Мах-

рицскомъ монастырѣ и молился о спасеніи Россіи; а преемникъ его, 5 Сентября, прибылъ во Владимиръ съ тѣмъ самымъ образомъ, который, назадъ тому четыре вѣка, оттуда взятъ былъ въ Москву, чудесно избавленную отъ свирѣпства Тамерлана. По свидѣтельству лѣтописцевъ, Владимирскіе жители тогда плакали, отпуская сію чудотворную икону, а теперь среди общей печали возрадовались, опять встрѣтивъ ее въ городѣ своемъ. По просьбѣ преосв. Ксенофонта и жителей и по распоряженію преосв. Августина, тамъ ежедневно носили св. икону по городу съ крестнымъ ходомъ. Общее чувство сердечнаго умиленія и сближеніе душевное въ несчастіи проявились въ общемъ моленіи, слезахъ и рыданіяхъ.

Изъ Владимира, куда собрались жители древней столицы и другихъ городовъ, преосвященный Августинъ отправился въ Муромъ, куда прибылъ, 10 Сентября, съ чудотворными иконами Владимирской и Иверской, тамъ помѣщенъ былъ въ настоятельскихъ келліяхъ Благовѣщенскаго монастыря, куда явились къ нему съ привѣтствіемъ почетнѣйшіе жители Мурома. За преосвященнымъ Московскимъ послѣдовали многіе изъ паствы его, не желая никакъ разлучиться съ пастыремъ своимъ; самъ опечаленный, онъ долженъ былъ утѣшать огорченныхъ и подавать имъ примѣръ твердости духа въ бѣдствіи. Не имѣя извѣстій объ отправленныхъ имъ ризницахъ, онъ весьма безпокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что онѣ благополучно привезены въ Вологду и тамъ помѣщены въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ. Заботясь о судьбѣ родины своей и вмѣстѣ паствы, Августинъ писалъ въ главную квартиру къ князю Кутузову, отъ котораго получилъ 25 Сентября утѣшительныя обнадеживанія и часть отбитаго у непріятелей церковнаго серебра, между прочимъ и утвари, принадлежавшей Римско-Католической церкви, какъ доказательство, что враги не щадили и церквей своего исповѣданія.

Уже оканчивался сорокодневный срокъ буйству и неистовству враговъ въ Москвѣ, но еще мѣра ея испытанія не исполнилась. Предъ выходомъ своимъ изъ древней столицы, Наполеонъ умыслилъ разрушить священный Кремль, съ тѣмъ, чтобы истребить всѣ памятники Русской отечественной древности, славы и святыни, чтобы расторгнуть всѣ связи Россіи съ ея сердцемъ—Москвою. Въ ночь на 6 Октября, Наполеонъ выѣхалъ изъ столицы. Наканунѣ выступленія непріятелей изъ Москвы, на 11 Октября, около полуночи, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ очевидцевъ, въ 10 часовъ ночи, началось приготовленное Наполеономъ взорваніе Кремля: около стѣнъ его копали рвы, подкапывали бочки съ порохомъ подъ зданія его, зажжены и скоропалитель-

ные фитили, проведенные отъ одного подкопа къ другому. Въ это самое время загорѣлся Кремлевскій дворецъ съ Грановитою палатою. Пять ужасныхъ взрывовъ сдѣдовали одинъ за другимъ: они разрушили только Арсеналь и верхъ Никольской башни, южную часть Никольской стѣны съ тремя башнями, Филаретовскую, Колокольную и Рождественскую въ ней церковь. Иванъ-Великій всколебался, треснулъ, но устоялъ; всѣ соборы, церкви и монастыри въ Кремлѣ уцѣлѣли отъ взрывовъ съ Грановитою палатою и Теремнымъ дворцомъ. Сіи ужасные, неожиданные взрывы, далеко отозвавшіеся во всѣхъ концахъ и окрестностяхъ Москвы, сперва почтены были за землетрясеніе. Отъ нихъ разсѣдались и падали каменные стѣны обгорѣвшихъ зданій; не только лопались стекла, но и выпадали самыя оконницы и двери въ домахъ; бревна и камни летали по городу; людей кидало съ одного мѣста на другое. Въ это самое время, среди безоблачнаго неба, нахлынувшій дождь и груды каменьевъ и земли отъ взрывовъ остановили дѣйствіе прочихъ подкоповъ въ Кремлѣ, изъ коихъ вынута 60 бочекъ пороха. Наставшій день послѣ страшной ночи освѣтилъ полуразрушенный Кремль, слѣды бѣгства враговъ и появленіе Русскихъ войскъ въ Москвѣ.

На третій день, утромъ, въ Страстномъ монастырѣ раздался первый благовѣстъ къ божественной литургіи и благодарственному молебну, повторенный, по условленному знаку, на всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольныххъ и не слышанный въ Москвѣ сорокъ дней. Это было торжественнымъ благовѣстіемъ для собравшихся жителей Москвы, которые восклицали: „Слава Богу, матушка наша Москва очнулась“.

Въ Муромѣ еще не вѣдали всѣхъ печальныхъ подробностей о Москвѣ; но услышали только объ освобожденія ея отъ враговъ; 18 Октября Августинъ получилъ отъ графа Растопчина радостную и вмѣстѣ прискорбную вѣсть, что „Москва разграбленная и сожженная освобождена отъ враговъ, и что враги бѣгутъ и преслѣдуются“. Вѣсть сія тогда была благодатнымъ дождемъ послѣ долговременной засухи. Весь Муромъ подвигся отъ радости; всѣ, знакомые, другъ друга поздравляли, обнимали и плакали. Сіи чувства раздѣлялъ и Августинъ съ жителями древняго города. Муромскіе жители и Московскіе странники стекались въ соборный храмъ для принесенія благодаренія Господу, Спасителю Россіи; туда же прибылъ и Августинъ. Предъ совершеніемъ литургіи, прочтено было письмо графа Растопчина, а послѣ литургіи, преосвященный въ рѣчи своей, обращенной къ жителямъ Мурома, высказалъ тѣ чувства, какими объято было тогда его сердце.

